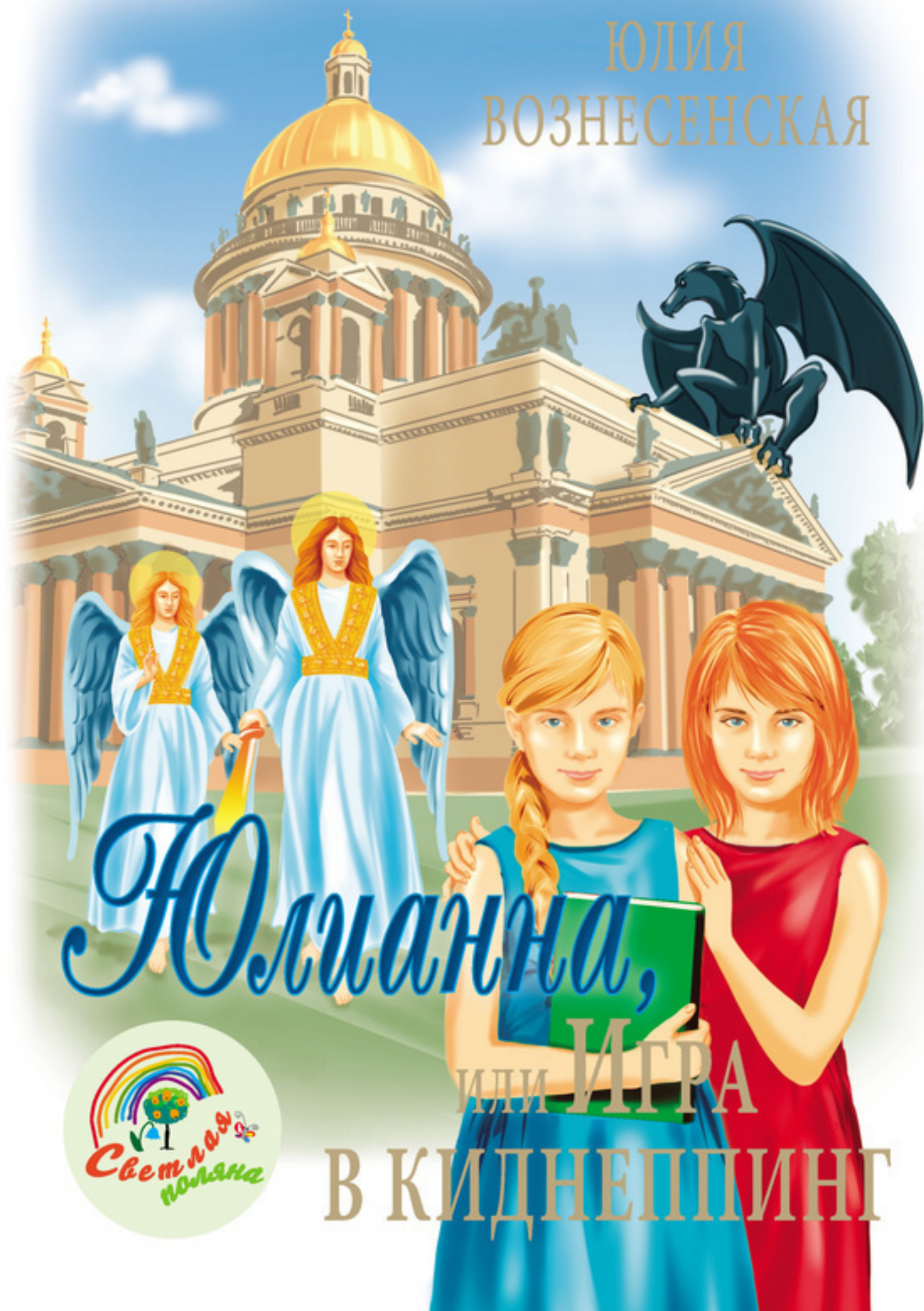

ЮЛИЯ
ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Юлианна,

или ИГРА

В КИДНЕПЛИНТ

Юлианна

Юлия Вознесенская

Юлианна, или Игра в киднеппинг

«Лепта Книга»

2002

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Вознесенская Ю. Н.

Юлианна, или Игра в киднеппинг / Ю. Н. Вознесенская —
«Лепта Книга», 2002 — (Юлианна)

ISBN 978-5-4444-4314-9

Две сестры Юля и Аня переживают опасные приключения, случившиеся с ними по вине их мачехи-ведьмы. Оказывается, мир полон злых сил, которые во что бы то ни стало стремятся заставить людей совершать плохие поступки. Но вера в Бога и заступничество Ангелов Хранителей помогают девочкам преодолеть все опасности. Но на этом «Юлианна» не заканчивается! Продолжение следует... Книга будет интересна не только детям среднего школьного возраста, но и их родителям.

УДК 821.161.1-31Вознесенская Ю.

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-4444-4314-9

© Вознесенская Ю. Н., 2002

© Лепта Книга, 2002

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия Николаевна Вознесенская

Юлианна, или Игра в киднеппинг

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2016

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, иллюстрации, 2016

© Вознесенская Ю.Н., 2016

© Тимошенко Ю., 2016

Ю. Вознесенская

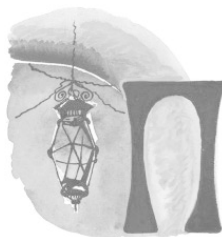
Моей внучке Катеньке Лосевой посвящается

Господи, благослови!

Глава 1

По небу полуночи Ангел летел, он очень спешил в город святого апостола Петра: на все хлопоты у Ангела была только одна эта ночь, совсем короткая белая ночь, ведь шел уже первый месяц школьных каникул. А дело было крайней срочности и важности: Ангел Хранитель должен был до утра выяснить, стоит ли одной хорошей псковской девочке ехать на каникулы к отцу в Санкт-Петербург. Девочка Аня была его подопечной, Ангел Хранитель души в ней не чаял и ласково звал ее Аннушкой. Завтра отец Аннушки должен звонить в Псков ее бабушке, чтобы обсудить вопрос о каникулах. Но если вдруг окажется, что ехать в Санкт-Петербург Аннушке не полезно, Ангел Хранитель должен успеть сделать все, чтобы эта поездка не состоялась.

Впереди показалась гора облаков, подсвеченных бледными и какими-то неуверенными лучами солнца: оно, солнце, будто не могло решить, стоит ему сегодня заходить или лучше так и остаться висеть над самым горизонтом – все равно скоро снова вставать и подниматься в небо. Мимо Ангела пролетело несколько самолетов, и все они один за другим нырнули в эти пышные облака. «Там, внизу, город», – подумал Ангел и тоже пошел на снижение.

Издали облака казались ослепительно чистыми, но внутри они состояли сплошь из мутного сизого тумана, в котором крутились, завивались и переплетались хвосты смрадных дымов всевозможных оттенков. Это были физические и нравственные испарения большого города. Ангел постарался поскорей пройти сквозь эту злокачественную облачность и так увеличил скорость полета, что крылья загудели.

И вот он, прошив облака насквозь, очутился над северной столицей. Под собой он увидел зеленые крыши, черные крыши, красные крыши, серые крыши – целое море крыш, а в нем – золотые островки церковных куполов, колоколен и шпилей.

Но в городском небе летали не только самолеты: над самыми крышами, словно стаи нетопырей, кружились, метались, ныряли в спящие дома и снова вылетали из них черные бесы на перепончатых крыльях, и вид у них был занятой, озабоченный и весьма злоедающий. А выше кружили Ангелы, сияющие, как большие звезды; они летали поодиночке, парами и небольшими стаями. Ангелов было намного меньше, чем бесов, и сверху они Хранителю казались белыми лебедями, парящими над стаями летучих мышей. Иногда Ангелы опускались ниже, и тогда бесы бросались от них врассыпную. Порой происходили и столкновения. Но если в каком-то уголке города бесы вдруг начинали хищно кружить вокруг одинокого Ангела, к нему тотчас на подмогу или на предельной скорости другие Ангелы, оставляя за собой широкие полосы света. А люди, наверное, думали, что эти полосы оставляют самолеты...

«Однако тут большая война идет, – подумал Ангел. – Бесов, бесов-то сколь! А и наши не зевают...»

Из бокового кармана стихаря Ангел Хранитель извлек шар зеленовато-молочного стекла – зеркало связи – и распрямил тороки. На первый взгляд тороки казались концами

узкой парчовой ленты, поддерживающей золотые кудри Ангела, но это были Ангельские антенны.

– Ангел Хранитель Иоанн вызывает Хранителя Санкт-Петербурга.

В глубине зеркала появилась светящаяся фигура.

– Я Градохранитель Петербурга, – прозвучало из чудесного шара.

– Благослови, Хранитель города. Я гость и прошу тебя о встрече.

– Благослови и ты. Где ты обретаешься?

– Похоже, я завис над самым центром Петербурга.

– Ты зришь под собой широкую реку?

– Зрю, Градохранитель.

– Это Нева. К югу от нее находится золотой купол, самый большой в городе. Ты зришь его?

– Зрю.

– Это Исаакиевский собор. Лети к нему и ожидай меня на галерее под куполом. Я тотчас прибуду.

Свет внутри шара потух. Ангел прибрал зеркало, опустил тороки и расправил крылья. Он сделал круг над собором, спикировал на купол и по нему, как по крутой горке, съехал на широкую каменную галерею, что шла вокруг барабана купола. По всей балюстраде, окружавшей галерею, стояли статуи Ангелов в натуральную величину. Хранитель принялся их разглядывать с понятным интересом.

Не успел Ангел Иоанн обойти хоровод бронзовых собратьев, как по серо-голубому небу будто пронеслась огненная комета, и перед скромным Ангелом Хранителем из Пскова предстал великолепный Хранитель имперского города. Он был на две головы выше гостя, его богатые белые ризы перламутрово переливались, отсвечивая на длинных складках голубым и синим, а кресты на ораре были расшиты жемчугами и бриллиантами. К поясу Ангела был подвешен меч, и был тот меч подобен раскаленному белому лучу.

– Петрус, Хранитель Санкт-Петербурга, – назвал его великолепный.

– Иоанн. Можно просто Иван, – скромно представился гость.

– Очень приятно. Откуда пожаловал ты к нам, брат Иван? – спросил Петрус, присаживаясь на край каменной балюстрады.

– Псковские мы, – сказал Ангел Хранитель Иоанн, застенчиво улыбаясь.

– Знаю, бывал. Славные места. Монастыри, святыни, Псково-Печорская Лавра, старец Николай Залитский. Да и монахи у вас там есть знаменитые на весь православный мир – архимандрит Иоанн Крестьянкин, иконописец Зенон, ваш сладкопеец Роман... И по какой такой нужде припоздновал ты к нам в Санкт-Петербург, Ангел Иван? Ответствуй, брат.

– По семейному делу, – отвечал Ангел, переминаясь босыми ногами на каменном полу галереи. – Хранитель я: девочка у меня, сиротка, зовут Аннушкой, живет с бабушкой. Мать год назад умерла, а отец уже десять лет как оставил их и проживает в Петербурге. С младенчества Аннушка матерью и бабушкой воспитана в православии: постится, причащается, прилежно ходит в Божий храм. Недавно наша бабушка узнала, что у нее тяжелая болезнь в последней стадии и жить ей осталось совсем немного. Решила она заранее позаботиться о внучке: разыскала адрес Аннушкиного отца в Петербурге и написала ему письмо, в котором все ему про свою болезнь откровенно рассказала и просила подумать о судьбе его дочери. Отец откликнулся сразу: прислал в ответ телеграмму, что завтра будет звонить на самую главную псковскую почту. Бабушка задумала внучку отправить к отцу в Петербург на все лето, чтобы дочь с отцом ближе познакомились и привыкли друг к другу. Вот это они и будут завтра обсуждать по телефону. А сюда я прилетел, чтобы на месте разузнать, что за отец у Аннушки, какая у него в доме духовная атмосфера? К нам в Псков много паломников из Петербурга приезжают, а путь на Печоры, в Лавру как раз возле нашего дома проходит;

так вот мимолетающие петербургские Ангелы иногда такое рассказывают о своем городе, что и Ангельская душа трепещет. Очень я боюсь за свое, Господом мне доверенное, дитя... Ты не обижаешься, Петрус?

– У меня в городе всего хватает – плохого и хорошего, греха и святости. Город огромный, людей много, жизнь кипит, как в большом котле. И бесы, конечно, мутят, они ведь любят мегаполисы.

– Чего они любят? Прости, не понял я...

– Гигантские города – мегаполисы. Но знаешь, брат мой Хранитель, именно в таких местах и решаются судьбы России, а значит, и всего мира.

– Ой, Петрус! У тебя такой город под крылом, а я к тебе со своими маленькими семейными заботами подлетаю...

– Надеюсь, ты всерьез не думаешь, Иван, что меня волнуют проблемы только исторического масштаба? Мне всякий бомж в городе знаком, я души бандитов пытаюсь спасти, а каждую нищую православную старушку лично лелею и готовлю к Переходу. Нет для Ангелов Хранителей мелочей там, где дело касается людей, какого бы ранга ни был Ангел. Я берегу не камни городские, а души людские. К тому же твои тревоги мне весьма близки и понятны, брат Хранитель: я ведь и сам в былые времена подвизался личным Хранителем и знаю, какая это трудная служба.

– Благодарствуй на добром слове, Петрус...

– А знаешь, что мы с тобой сделаем, Ангел Иван? Мы сейчас вызовем сюда Хранителя отца твоей девочки, и вы с ним вдвоем ваши семейные дела и обсудите. Согласен?

– Согласен. Но это еще не все. – Ангел Иоанн уселся прямо на каменный пол галереи и, глядя снизу вверх на Петруса, приготовился к обстоятельному рассказу. – С отцом Аннушки живет ее сестра Юлия. Отца зовут Дмитрий Мишин...

– А где они живут? – с легким нетерпением перебил его Петрус.

– Бабушка Настя говорила, что на Крестовском острове.

– Есть у меня под крылом такой остров. Владела им когда-то сестра Петра Великого царевна Наталья, потом, помнится, граф Христофор Миних, за ним граф Разумовский, а после и до самых темных времен – князья Белосельские-Белозерские. Теперь это тяжелое место в духовном смысле. Чего там только в темные времена не понастроили язычники! И стадионы, и яхт-клубы, и больницу для партийных начальников – полы паркетные, врачи анкетные. А теперь вот «новые русские» остров осваивают и застраивают своими виллами и башнями неприступными. Переименовывали его несколько раз, но как был он первоначально назван Крестовским, так по сей день и зовется, и в этом, брат мой Хранитель, наша надежда. Но мы с тобой слушаем лучше, что нам поведают Ангелы Хранители с Крестовского.

Петрус связался через зеркало с Хранителями семьи Мишиных и вызвал их к себе. Вскоре на галерею Исаакиевского собора прибыли еще два Ангела. Рядом с величавым Хранителем города и румяным здоровяком Иоанном прибывшие выглядели несколько бледноватыми и будто бы слегка прозрачными; Иоанну даже почудилось, что сквозь их тела просвечивают золотые отблески на ипсиях.

Ангелы представились:

– Димитриус.

– Юлиус.

Иоанн назвал их и сразу приступил к делу:

– Моя подопечная отроковица завтра должна получить приглашение провести каникулы у Мишиных. Посоветуйте, братие, стоит ли пускать ее в этот дом? Крепка ли ваша домашняя церковь?

Бледные Ангелы молча поглядели друг на друга.

– А она что, отроковица твоя, послушается, если ты, скажем, не возжелаешь, чтобы она в Петербург ехала? – спросил, запинаясь, Юлиус.

– До сих пор она всегда меня слушалась.

Ангелы снова переглянулись.

– В чем дело? Что это вы так таинственно переглядываетесь и почему не отвечаете гостю на его вопросы? – строго спросил Петрус. – Ответствуйте, являет ли семья Дмитрия Мишина малую домашнюю церковь, как это положено у православных христиан?

Ангел Димитриус сцепил пальцы рук, поднес их к подбородку и сокрушенно произнес:

– Хранитель великого города и ты, гость псковский, а ведь мы ничего утешительного вам поведать не можем.

– А вы молвите все как есть, – предложил Иоанн.

– Придется, видно. Дом у нас есть, да еще какой! Три этажа, с гаражом, сауной и садом. Дом есть, а домашней церкви нет и не было никогда. Дмитрий Сергеевич Мишин – процветающий бизнесмен, «новый русский», как теперь говорят. Деньги, деньги, деньги – лучшие в долларах, и всяческие удовольствия и развлечения, какие можно получить за деньги, – вот его идеалы. Когда моего Митю спрашивают о вере, он отвечает, что верит только в самого себя и в доллары. Он крещен, но едва ли сам теперь об этом помнит, а обо мне и вовсе не ведает. Если бы я начал вам сейчас рассказывать, братие, сколько огорчений он мне принес начиная с семи лет и кончая сегодняшним днем, я бы до утра не закончил и вот весь этот купол слезами горючими омыл!

– Чем очень угодил бы нашему губернатору: он как раз голову ломает, как бы ему к юбилею города купола почистить. Но приставленный к нему бес Перекоп его то и дело на другие затеи отвлекает, да и денег в городской казне, как всегда, не хватает: в одну дверь вносят – в другую выносят, – усмехнулся Петрус. – Но скажи мне, Димитриус, ты сам-то пытаешься на своего подопечного влиять или только сокрушаешься?

– Дня не было, Петрус, чтобы я не пытался докричаться до него! Сколько раз он попал в беду, а я мог и хотел ему помочь, да только редко что выходило. Не верит он в меня, а потому и не слышит. Как мне до его глухой души докричаться? Не внемлет и все тут, хоть по мобильному телефону звони!

– А ты бы попробовал, – посоветовал Петрус.

– Ты мнишь?.. Редко-редко мой Митя вдруг меня и услышит, но почему-то всегда только в подпитии. При этом слышать-то он слышит, но насколько все по-своему понимает! Остерегаюсь я с ним выпившим разговаривать. Вот, к примеру, в прошлом году его пьяные дружки вздумали зимой в проруби купаться. Выехали на своих машинах по льду на середину Невы, прорубили прорубь топорами и давай в ней плавать, животным морским подобно. Зело пьяны были. Я Мите внушаю: «А ты, Митенька, в прорубь не лезь!» И он меня вроде как услышал: остановился голый на краю проруби и кричит приятелям: «Нет, я в прорубь не полезу!» Я уж было обрадовался, а он продолжает: «Я не полезу – я ласточкой нырну!» Ну и нырнул с разбега.

– И что?

– Ушел с головой под лед. Я, естественно, ныряю за ним. Протягиваю ему десницу – он не замечает; показываю, куда надо плыть к проруби, а он глаза выпучил и в другую сторону гребет. Вот страху-то я натерпелся: ведь он совсем, ну совсем-совсем не готов к Переходу! И вдруг слышу, булькает мой Митя: «Помоги!» – сам, конечно, не соображая, кого это он в черной воде на помощь зовет. Но тут уж я не растерялся: зовет – значит, меня зовет, поелику больше близости, подо льдом то есть, никого и нет! Схватил я моего Митю в охапку и рванул вверх прямо сквозь лед...

– Постой! Так это не ты ли, Ангел мой, взорвал лед на Неве перед Петропавловской крепостью в самую новогоднюю ночь? – воскликнул Петрус.

– Ну, я... А как же мне было иначе спасти моего Мишина? Пробил я лед головой, а он за мной так пробкой из полыньи и выскочил! Тут уж его пьяные дружки подхватили, в шубу закутали и увезли – в ночной клуб, продолжать встречу Нового года.

– Ты отдаешь себе отчет, Ангел Димитриус, какой переполох ты мне устроил в городе этим прободением нежского льда? Да еще оставил за собой полынью с оплавленными краями! Городские службы с ног сбились, разыскивая преступников, запустивших бомбу под лед Невы. Слухи пошли один другого нелепее: будто с помощью взрыва террористы хотели вызвать наводнение, будто Дворцовый мост пытались взорвать, а еще будто это была попытка военного переворота силами подводного десанта. До инопланетян договорились! Коли пожелаешь, можешь в старых газетах покопаться – много интересного о себе узнаешь. И не стыдно тебе, Ангел-террорист?

– Стыдно, конечно, Петрус, как не стыдно? Виноват я, прости! Я потом долго не мог в себя прийти, вся сила моя ушла на этот прорыв, а то бы я, конечно, нашел тебя и во всем повинился. Мне пришлось две недели в Иоанновском монастыре в алтаре отлеживаться, монахини молитвами выхаживали... Ах, сколько там благодати, братие! Как на духовном курорте побывал!

– Вестимо, – улыбнулся Петрус, – как не быть преизобилию благодати над усыпальницей святого праведного Иоанна Кронштадтского? Так ты, бедный, выходит, надолго занемог после своего подвига... Ну, это тебя отчасти извиняет.

– А Митя, между прочим, даже насморка не схватил! Нет, вы, братие, и представить себе не можете, каково мне с ним приходится: я над ним выюсь, как ласточка над выпавшим из гнезда птенчиком, а он меня все отрицает и отрицает! Ах, да что говорить-то! – Димитриус махнул рукой и, отвернувшись, горестно уставился на ближайшего к нему бронзового Ангела, будто ожидая от него сочувствия.

Ангел Юлиус робко улыбнулся, выступил вперед и тоже начал перечислять свои печали, поочередно тонкие персты пригибая:

– А моя Юлька с тех пор, как живет с отцом, ни разу не причащалась Святых Христовых Таин – это раз. Она верит в НЛО и экстрасенсов, – это два. Когда уроков не выучит, просит мамеху погадать на картах, вызовут ее или нет, – это три. В церкви не бывает, – это четыре...

– Юлия твоя бывает с отцом и мамехой в церкви, – отвлекишись от скорбного созерцания бронзового собрата, сказал Димитриус. – Она очень даже любит бывать на пышных венчаниях «новых русских». Мода у них нынче такая пошла – венчаться. Но волнует ее при этом не само таинство или красота службы, а наряды и прически невесты и гостей.

– Так она же девочка, а девочки все любят наряды! В этом еще нет греха, – неожиданно вступился за свою подопечную Ангел Юлиус.

– Пустой сосуд твоя Юлия, хоть и запечатанный!

– Да, запечатанный! А коли сосуд запечатан печатью Святого Духа, то еще не все пропало: Дух сам может возжечь в нем огонь, когда Ему восхочется! Моей Юленьке всего-то неполных двенадцать лет, она еще может исправиться. Пустой сосуд... Как можно называть дитя «пустым сосудом», коли оно было крещено, миропомазано и до двух лет исправно причащалось!

– Ах, брат мой Юлиус, ну что ты говоришь? Это в пеленках-то – «исправно»? Да ведь это бабушка Настя носила ее в Божий храм причащаться! Но ты, конечно, истину молвишь: и в моем Мите сохранилась искра Божия, потому как его тоже крестили и даже водили в церковь до семи лет. Это уж потом отец воспретил ему посещение храма, дабы это не повредило сыночку. Вы подумайте только, братие, – не пускать ребенка в Божий храм из любви к нему! Что за жизнь, что за страна, что за люди!

– Жизнь как жизнь, и люди как люди. Ты бы, Ангел мой, за границу слетал для утешения... А ты что ж это так надрываешься, Хранитель Димитриус? – укорил его Петрус. – То руками восплещешь, то крыльями, слезу вон даже пустил... Ты, как я погляжу, на грани отчаянья пребываешь, а ведь это грех, братец ты мой.

– Нет, нет, – замахал крылами Ангел, – не отчаиваюсь я, братие, как можно? А что я руке воздеваю, так это я для выразительности скорби моей. Знали б вы да ведали, как мне моего Митеньку жаль... Будь он совсем пропащий, ну стал бы я разве ради него своей главой невский лед пробивать?

– Думаю, тем более стал бы, – улыбнувшись, сказал Петрус.

Но Димитриус его будто не услышал и продолжал:

– Митя в душе неплохой человек. От природы он добродушный, щедрый: мимо нищего никогда без подаяния не пройдет, разве что проедет на своем «мерсе». Ты не сомневайся, Иван, твою подопечную он не обидит! Скорее, наоборот, забалует, завалит подарками.

– Митя – доброй души человек, это воистину так. Но ты теперь про мачеху нашему гостю возвести, то-то он удивится! – горько усмехнулся Юлиус.

– Что еще за мачеха? – насторожился Хранитель Иоанн. – Кто такая и где ее Хранитель?

– О, наша невеста-мачеха по имени Жанна стоит особого разговора!

– Да чего там о ней особо разглагольствовать? Да Митя на ней, может, еще и не женится, одумается, – отмахнулся было Ангел Димитриус.

Но Хранитель Иоанн взволновался не на шутку:

– А ну-ка, братие, повествуйте, что там у вас за «невеста-мачеха» обретается и почему ее Хранитель с вами не прибыл?

– А нет у нее никакого Ангела Хранителя, – с досадой молвил Ангел Димитриус. – Нет и быть не может, потому как она не крещена. Зато приставлен к ней особый бес по кличке Жан, жутко на нее похожий... Или она на него – теперь уж и не разберешь. Вот он и есть ее духовный руководитель.

– Смрад от этого Жана такой, что даже люди порой замечают: думают, крыса под полом скончалась, – подхватил Юлиус. – С тех пор как Жанна со своим Жаном поселилась у Мишиных, мы и в дом почти не заглядываем. Пребываем поблизости и плачем горькими слезами, а поделать ничего не можем. Мишины, отец и дочь, нас не зовут, а потому бесы нас на порог не пускают. С приходом этой самой Жанны наш дом превратился в настоящее бесовское гнездилище: за Жаном целая стая бесов помельче в дом проникла. Лезут и лезут...

– Ужас какой, – покачал головой Ангел Иоанн, хмурия густые золотые брови. – Нет, я свою Аннушку в этот вертеп не пущу!

– Аннушку? – всплеснул крыльями Юлий. – Так ты мой братец Иоанн, Хранитель Анны Мишиной, сестры моей Юлии? Я сразу как-то не сообразил и не узнал тебя. Ты такой стал представительный – сразу видно, что у тебя служба Ангельская идет как надо. А ты что, совсем не помнишь меня, братец? Ведь наши девочки – сестры-близнецы! Забыл ты, что ли, как нас с тобой вдвоем направили к нашим малышам, когда их крестили? Мы еще путали сначала, где чья. Иван, братец Хранитель! Здравствуй!

– Да, это я, братец Юлиус. Ну, давай поликуемся!

Ангелы обнялись и «поликовались» – трижды соприкоснулись ликами. Когда они оказались рядом, стало видно, что они весьма сходны чертами, вот только пепельные локоны Ангела Юлиуса печально спускались на его худенькие плечи, а золотые кудри Иоанна вздымались на его главе копной таких крутых колец, что даже солнце сквозь них не просвечивало. Да и сложением псковский Ангел был куда крепче братца.

– Я тебя сразу узнал, – сказал Иоанн, – и хотел потом с тобой наедине по-братски побеседовать, бывшее вспомнить. Но сначала я должен был свою службу справить – понять,

что там за дом у вас? Однако, сдается мне, я уж все понял: дом есть, а домашней церкви в нем нет, и значит – дом ваш пуст... А вот сестричек мы с тобой, братец Юлиус, и вправду поначалу путали. Но помнится мне, ты уж прости меня за простоту, что моя Аннушка с первых дней была чуточку светлей и не такая вертлявая, как твоя Юлия. Вот уж сущая юла была!

– Да, имечко выбрали... А твоя Аннушка, какая она сейчас?

– Золотая девочка. Добрая, послушная, чистая умом и сердцем. Настоящая христианочка!

– Это по тебе видно – вон ты у нас богатырь какой! Аннушка, верно, тебе и забот-то особых не доставляет, не огорчает тебя?

– Забот с подопечными всегда хватает, а вот чтобы огорчать – этого у Аннушки в заводе нет. Она мне с раннего возраста внимает и радуется той радостью, от которой мы, Ангелы Хранители, здоровеем. Вот я такой и вымахал, – и Ангел Иоанн повел могучими плечами. – Но теперь в нашей жизни много и печали. Мама Нина умерла, ушла от нас в райские селения, бабушка Настя болеть стала. Прежде моя Аннушка была веселая и шаловливая, как котенок, а теперь присмирела. А тебе с твоей Юлией, я вижу, достается?

– Не говори, брат! Отец ее балует безбожно, во всем потакает, и она этим вовсю пользуется. Когда появилась в доме эта Жанна, Юлька и вовсе испортилась: косички остригла и выкрасила волосы в рыжий цвет, как у клоуна в цирке, лицо раскрашивает красками – «макияж» называется, с подружками часами по телефону болтает о пустяках. Будущая мачеха делает вид, что души в ней не чаёт, и тоже балует. Только баловство это коварное: Жанна разрешает Юльке как раз то, что девочке совсем не на пользу. Не верю я в ее любовь, никого она, несчастная, кроме себя, любить не умеет. А хуже всего, что Жанна намерена мою Юлию всяким мерзостям обучить – гадать на стеклянном шаре, заговоры читать, общаться со злыми духами. Они уже начали заниматься спиритизмом и прочими пакостями, и в результате к моей Юльке прилепился бесенок Прыгун. Жанна со своим Жаном и этот Прыгун собираются из нее маленькую ведьму сделать. У нынешних язычников это модно и называется «стать продвинутыми». Даже детские книжки про маленьких ведьм и колдунов пишут и печатают. Тревожно мне за Юленьку, а поделатъ я ничего не могу.

– А у твоего Мишина тоже свой бес имеется? – спросил Иоанн Димитриуса.

– Бог миловал! Мой Митя любого случайного беса готов послушать, поддаться ему на время: то в загул ударится, то в казино азарту предастся, а чаще всего по пустякам в гнев впадает. Бывает, что бесы его облепят, как оводы спящего медведя, но Митя проснется, встряхнется, поглядит на мир чистым оком, одарит людей добрым делом – и нет ни одного беса ни на нем, ни поблизости! Нет, мой Митя постоянной власти над собой темным духам не дает: душа у него хоть и сонная, но здоровая и чистая.

– Это так, – подтвердил Юлиус. – Слушай, Иван, а может, вы все-таки с Аннушкой приедете к нам на каникулы? За одно лето девочка твоя не испортится, она ведь под твоей защитой будет, а моя дурочка, может, к сестре прилепится и от мачехи отойдет. Подумай, ведь наши девочки – сестрички-близнецы!

– И не проси, брат Юлиус, и не уговаривай! Я своего птенчика в бесовское гнездилище ни за что не пущу. Я и нынче оставил-то ее всего на одну ночь, а уже так беспокоюсь о ней, так тревожусь! Трепещу прямо. Вот с вами беседую, а сам все думаю: спокойно ли спит мое дитяtko, не приснился ли ей без меня сон дурной? Молитвы вечерние Аннушка прочла, я сам с ней молился, и бабушка Настя ее на ночь перекрестила, как обычно, а меня все одно тревога одолевает: никогда прежде я от нее не отлучался так далеко и надолго. Мало ли что может приключиться? Пьяница-ругатель мимо окон пройдет, темную волну перед собой гоня, – ребенку что-нибудь страшное и приснится. Бабушкин Ангел Анастасий занят зело, ведь к бабушке Насе предкончинная болезнь пришла, и они теперь вместе последние дела

на земле улаживают. Я попросил его за Аннушкой присмотреть, и он обещал, а я все одно трепещу. В общем, прощай, брат Юлиус, и ты прощай, Хранитель Димитриус. Хороший ты Ангел, отчаянный, вот только подопечный тебе непутевый достался. Жаль мне вас, братие, скорблю вместе с вами об отце с дочерью, но мне пора возвращаться домой, на Псковщину. Прощайте и не взывайте! Прощай и ты, Хранитель большого города, приятно было познакомиться...

Он уже расправил было крылья, чтобы взлететь, но Ангел Юлиус ухватил его за крыло и взмолился отчаянно:

– Постой, братец, не улетай! Ну ты присядь, присядь на минуточку, куда спешить-то? Ты посмотри, какая ночь, какая красота вокруг! Ведь белая ночь – где ты еще такое увидишь? А город – ты только взгляни, какой город под нами! Ну не чудо ли наш град Петров? – Говоря это, Ангел Юлиус смиренно опустился перед братом на колени, не выпуская, впрочем, его крыла.

– У нас тоже красиво, природа кругом, – удивился Иоанн, но тоже опустился на каменные плиты. Юлиус сел рядом, обнял Иоанна и положил ему на плечо свою победную пепельную головушку.

– Ты вот что, ты послушай, что я тебе скажу, братец Иванушка, – сказал он проникновенно. – Ты, конечно, свою Аннушку любишь, как не всякий отец любит свое дитя. Ты ей сейчас и за мать, и за отца, а скоро будешь и за бабушку. Все это я, брат, разумею. Но ты и к моей-то Юленьке имей снисхождение, пожалей ты ее, кроху горемычную, погибает ведь совсем мое дитяtko! Ее ли вина в том, что она почти всю свою маленькую жизнь росла без бабушки Насти, без светлой ее опеки? Она ли виновата в том, что некому было учить ее молитвам и в Божий храм водить? А ведь она бабушке Насте такая же родная внучка, как твоя Аннушка. Братец Иванушка, скажи ты по совести своей Ангельской, от века незамутненной, разве не могло случиться так, что Аннушку твою увезли бы в Питер, а мы с Юленькой остались бы жить в Пскове, под покровом Псково-Печорской Лавры, с мамой Ниной и бабушкой Настей? Взяли бы родители да и поменялись девочками, ведь они их совершенно случайно выбрали: мать – Аню, а отец – Юлю.

– Что ты, что ты, братец! И подумать даже страшно! Я без бабушки Насти не справился бы, от нее всегда были тепло и свет в нашем доме.

– А у нас в доме – тьма болотная, – вступил в разговор Ангел Димитриус. Он опустился на колени рядом с Иоанном по другую сторону и тоже положил ему голову на плечо, словно боясь, что тот вдруг поднимется и улетит. Иоанн повернул к нему лицо и поглядел на него.

– Наши Мишины молятся деньгам, поклоняются машинам, а проповеди им телевизор читает, – сказал Димитриус. – Язычники они! Ну а просвещать их надо? А спасать? Слушай, Иван, может, ты и вправду приедешь к нам со своей девочкой погостить? Это ж только на каникулы!

– Понимаешь, братец, – снова начал говорить Юлиус, и Ангел Иоанн обратил голову теперь в его сторону, – нам и в дом Мишиных без тебя не проникнуть: мы не можем туда войти, пока нас не позовут, – ты знаешь закон. Когда дело касается нас, Ангелов, бесы очень строго следят за соблюдением законов. А ты при своей Анне войдешь в дом беспрепятственно, ибо ты в полном праве пребывать при ней неотлучно.

– Ты мишинских бесов если даже не вовсе разгонишь, то хоть погоняешь примерно: уж очень они обнаглели, – вновь заговорил Димитриус, и Ангел Иоанн обернулся к нему. – Ты вон какой здоровый! Ты у нас, Иванушка, будешь за старшего, мы тебя почитать будем и окажем тебе во всем полное послушание. Так, Юлиус?

– Вестимо! Соглашайся, Иван! А то пропадем мы без тебя...

Ангел Иоанн перестал крутить головой и глубоко задумался. Димитриус и Юлиус не стали больше его теребить, но продолжали смотреть на него умоляющими глазами, а по щекам их вдруг покатились крупные слезы, и Ангелы этих слез не утирали.

Градохранитель Петрус смотрел на всех троих с интересом и мягкой улыбкой, но в семейную беседу не вмешивался.

– Что я вам скажу, братья Юлиус и Димитриус? Тяжело мне решиться на это, но если будет на то воля Божья, так что ж... Я вот прямо сейчас и спрошу Его, и как Господь повелит – так и будет.

Под взволнованными и полными надежды Ангельскими взглядами Иоанн встал, трижды поклонился на восток, достал свое зеркало, наладил тороки и спросил, можно ли ехать отроковице Анне на летние каникулы к отцу Дмитрию в город Санкт-Петербург? После чего все Ангелы, включая Петруса, торжественно выпрямились и оправив складки стихарей, благоговейно стали ждать ответа.

И ответ был получен: рабе Божьей отроковице Анне не медля ехать к отцу и сестре.

Хранитель Иоанн поклонился на восток:

– Да будет воля Твоя, Господи! Вот так, – сказал он, пряча зеркало в складках стихаря. – Ждите, скоро прибудем.

Димитриус и Юлиус стояли рядом, взявшись за руки, и сияли.

– Желаю вам всем успеха. Посмотрим, как теперь пойдет духовная жизнь в вашем семействе, – сказал Ангелам Хранителям Петрус. – В серьезных случаях обращайтесь прямо ко мне. В нашем городе теперь очень сильное светлое воинство, и мы вас, конечно, не оставим без подмоги. Оставайтесь с Богом, а мне пора – дела ждут.

– Да благословит и тебя Господь, Градохранитель! – ответили Ангелы хором.

Хранитель Санкт-Петербурга поднялся над куполом Исаакиевского собора и раскинул свои пламенные крылья; они вспыхнули и заиграли сполохами по обе стороны небосвода, осыпав город сверкающими искрами. Попавшие под этот огнепад бесы заматались в воздухе, кинулись спасаться в колодцы дворов, в ущелья переулков и там затаились в страхе. Потом Петрус исчез, и небо потускнело, осталась только узкая розово-зелено-желтая полоска зари, то ли еще вечерней, то ли уже утренней.

– Ну, пора и мне. Ночь коротка, а дорога длинна, – сказал Иоанн. – Все оказалось даже хуже, чем я опасался, но мне теперь не так страшно, когда известна воля Божья. Скоро увидимся! Храни вас Бог, братие!

– И тебя храни Господь, Иван! Добрый тебе путь, небо скатертью! – сказали ему вслед Хранители.

– Хороший у тебя братец, – заметил Димитриус, когда они остались одни. – А могуч! Вот уж задаст он жару крестовским бесам!

– Дал бы Бог. Полечу теперь к своему, пригляжу за ним: он сегодня у Гуляровских на дне рождения. Старику Гуляровскому семьдесят лет исполнилось, он большой праздник затеял. Как бы Митя не загулял, а то завтра проспит все на свете и забудет позвонить в Псков.

– Мачеха с ним?

– А как же! Но только от нее в таких случаях помощи не дождешься, она сама винцо любит.

– А с кем Юлия осталась?

– С охраной и Аконом. Но при нем сегодня бес, а не Ангел.

– В такие дни надежда на Акона плохая. Полечу-ка я к дому, в саду подежурю.

Две светлые фигуры поднялись в небо и полетели через Неву в северо-западном направлении.

Некоторое время на галерее собора никого не было. Потом за край балюстрады снизу зацепилась тонкая и длинная мохнатая лапа, рядом с ней появилась вторая, и на галерею

вскарабкался некто, похожий на крылатого мохнатого паука с головой кошки, но с паучьими жвалами на месте кошачьей пасти. Глаза его мерцали недобрыми желтыми искрами, из-под острых жвал сочилась и капала зеленая слюна.

– Так-так-так, – закрипело чудище отвратительным голосом. – Заговор назревает, заговорчик! Интрижка Ангельская затевается! Мелкая такая интрижечка, но все-таки дельце для Михрютки найдется, если с умом взяться. Это у нас какая же группировка будет? Ага, крестовская. Тьфу, название-то какое неприятное. Вот к ним и лететь надо, все обскажать, а плату за донос вперед запросить. Лучшие в долларах. На доллары можно кучу грешничков купить, самому полакомиться, а потом довести до кондиции и сдать куда надо. А может, на службу к браткам крестовским податься? С тех пор как в соборе молиться начали, житья бедному музейному домовому не стало. Да нет, там, поди, все схвачено! Разве что к людям в домовые попроситься, пойти на понижение: у них на Крестовском много новых домов построено, найдется вакансия. Летим, летим, Михрюточка, на Крестовский островок с докладиком, с доносом! Летим, мой хорошенький!

На восьми волосатых паучьих лапах мерзкое существо вскарабкалось по гранитной колонне к основанию купола, быстро заскользило вверх по его гладкой золотой поверхности и, добравшись до середины купола, распахнуло кожистые перепончатые крылья, оттолкнулось и сигануло вниз. Через мгновение неудельный бес-домовой из бывшего музея исчез в тени между крышами. На золотом куполе осталась только грязная дорожка слизи там, где прополз домовый Михрютка.

В это самое время в четырехэтажном особняке Гуляровских на Крестовском острове веселье было в полном разгаре. Два нижних этажа были залиты светом, и через открытые окна в сад хлестали потоки ритмичного шума. В саду мутно и бесполезно светились желтые шары чугунных фонарей, сделанных под старину, а под ними прохаживались охранники, свои и чужие – многие гости явились на день рождения с охраной. Снаружи, вдоль высокого каменного забора выстроились в ряд автомобили гостей, все сплошь иностранных марок.

А на крыше особняка пировали бесы. Они до отвала объедались и упивались испарениями обжорства и пьянства, лакомились жирным дымком самодовольства и чванства, наслаждались вонью наглости, копотью агрессии и густым смогом всевозможных других пороков. Эти испарения исходили от собравшихся внизу людей, поднимались вверх густым облаком, проходили через перекрытия этажей на крышу и туманными струями расстилались по ней, а бесы купались в этих выползках зловонного тумана и блаженствовали. Иногда они ссорились, огрызались друг на друга, даже вступали в короткие свирепые схватки, но это лишь добавляло удовольствия их веселью.

Димитриус стоял на толстой ветке в кроне высокой сосны, таясь за ее стволом, и внимательно наблюдал за происходящим. Он уже с четверть часа находился тут и видел, что Дмитрий Мишин уже успел-таки изрядно набраться.

Вдруг издали послышались звуки, похожие то ли на фальшивую игру гигантской валторны, то ли на неприличные звуки, издаваемые какой-то великанской задницей. Ангел на сосне и бесы на крыше насторожились. К особняку Гуляровских зигзагообразно летел багрово-красный бес с огромным животом и двойными черно-зелеными крыльями, похожими на стрекозиные. На лету бес ритмично нажимал толстыми лапами на свой тыквоподобный живот, и от этих нажатий получались те самые скверные звуки. Со скрежетом затормозив когтями о железную крышу, бес для упора широко расставил нижние лапы, еще больше выпятил животике и завопил:

– Внимание! Тревога! Общий сбор! Кактус всех вызывает на экстренное совещание!

Бесы всполошились, запрыгали по крыше и один за другим стали срываться с ее края. Взмолвленной, визжащей стаей они поднялись в воздух и полетели к одному из домов-башен, нагло торчавших над деревьями парка.

Воспользовавшись их внезапным исчезновением, Ангел Димитриус слетел на балкон второго этажа: ему нужно было во что бы то ни стало привлечь внимание подопечного и внушить ему кое-какие трезвые мысли.

– Митя, выйди на балкончик! – громко позвал Ангел.

Мишин, уже уставший от питья и еды, сидел на диване в гостиной. Он поднял голову и недоуменно огляделся. Это был полноватый белокурый человек лет сорока, с довольно простым и слегка оплывшим лицом. Увидев, что ни рядом на диване, ни поблизости никого из гостей нет, он опустил голову и снова задремал.

– Митя, выйди на балкон! Тебе надо проветриться! – продолжал твердить Ангел.

Мишин пожал плечами, встал с дивана и нетвердой походкой пошел к распахнутым настежь дверям балкона. Он вышел на балкон, подошел к перилам и облокотился на них, вдыхая прохладный воздух из сада и крутя головой, чтобы немного разогнать хмель. Кажется, ему это отчасти удалось.

Ангел остановился в воздухе прямо перед ним и громко сказал:

– Послушай, Митя! В Пскове живет твоя дочь Анна. Ты не был на похоронах бывшей жены. Ты совсем не помнил о том, что в Пскове у тебя осталась еще одна дочь. Завтра она ждет твоего звонка, а как ты готовишься к разговору с ней? Смотри, как ты безобразно пьян!

– Я не пьян, – обиженно сказал Мишин и огляделся. – Кто тут говорит, что я пьян?

– Я говорю, твой несчастный Ангел Хранитель. У-у, горе ты мое! Если ты, Митя, немедленно не отправишься домой, то завтра наверняка проспшишь и не позвонишь в назначенное время. Девочка будет горевать и плакать, она подумает, что ты не хочешь ее знать. Вспомни о ней, Митя, вспомни и отправляйся домой спать!

Мишин поднял голову, сосредоточенно посмотрел сквозь Ангела и вдруг громко сказал:

– Да, Митя, вспомни о своей второй дочери. И отправляйся... И отправляйся-ка ты, Митя, немедленно в Псков за дочерью Анной. Вот так! Вот это будет правильно!

– Нет, Митя, неправильно. Ты опять все перепутал. Сейчас тебе надо пойти спать, а завтра позвонить в Псков, – строго сказал Ангел.

– В Псков! Сейчас же в Псков! – упрямо повторил Мишин. – А спать – некогда!

Мишин встал, покачнулся, потом выправился и, громко топая для устойчивости, решительно направился в глубину дома.

Через несколько минут он вышел из дверей особняка с бордовым пиджаком в руке, спустился по широким ступеням и пошел по дорожке к воротам.

– Митя, вернись! Куда ты, Митя? – всполошился Ангел, в панике кружась над своим горе-подопечным.

Его слова повторила вышедшая на крыльцо высокая красивая женщина в зелено-золотом вечернем туалете.

– Митя, куда ты? Вернись, Митя!

То ли у Мити в глазах двоилось, то ли он на мгновение увидел своего Ангела Хранителя и принял его за некую молодую гостью, но он вдруг обернулся и закричал гневно:

– Отстаньте от меня вы обе! Не держите меня! Я еду в Псков за дочерью! Вот так, и точка!

Красавица пожала голыми плечами и вернулась в дом.

Ангел всплеснул крыльями и перелетел через ворота.

Мишин подошел к серебристо-зеленому «мерседесу» и стал искать по карманам ключи.

– Дмитрий Сергеевич, вы, пожалуй, до дома не доедете. Позвольте, я отвезу вас, – сказал ему подошедший охранник.

– До дома я не доеду, это ты прав, – кивнул Мишин. – А вот до Пскова – доеду! У тебя есть автодорожная карта?

– Если вы подождете пять минут, я возьму у хозяина и принесу.

– Некогда ждать. А я и без карты доеду. Хозяину привет!

– Понял. Передам, Дмитрий Сергеевич.

Охранник спокойно наблюдал, как Мишин открывает машину, небрежно бросает замшевый пиджак на заднее сиденье и усаживается за руль.

– Чего это он так рано сегодня? Еще только два часа ночи, праздник в самом разгаре, – спросил охранника подошедший коллега.

– Не знаю. Сказал, что едет в Псков.

– Набрался наш Мишин. Не разбился бы...

– Не разобьется. Говорят, пьяного Ангел Хранитель бережет.

– Гы-ы! Ты скажешь – Ангел! Мите сам черт не брат, а ты ему Ангела в попутчики желаешь...

– *Правильно желает, хоть и неосмысленно,* – кивнул Ангел Хранитель. – *Спаси его, Господи!*

Усаживаясь на крыше «мерседеса», чтобы быть как можно ближе к подопечному, Ангел Димитриус свесил голову и укоризненно попенял ему в раскрытое окно кабины:

– *Ах, Митя, Митя, над тобой вон даже чужие охранники смеются. А уж что Хранители соседские про нас с тобой говорят, об этом я лучше умолчу... Ну, ладно, трогай, Митенька! Ехать так ехать...*

Машина с Мишиным за рулем и Димитриусом на крыше рванулась вперед, свернула и исчезла в тоннеле под старыми вязами.

У бесов как раз в это время шло важное совещание. Председательствовал глава крестовской бесобратии Кактус – страшный толстый бес, зеленая шкура которого была сплошь покрыта длинными острыми колючками. Бес прямо-таки бесился:

– *Куда вы смотрите, лупоглазые, чем вы слушаете, вислоухие? Вы проишляли коварные замыслы врагов! Боссу Ленингаду откуда-то стало известно, что на вверенной нам территории врагами готовится диверсия: какие-то люди вот-вот захотят построить на острове – на нашем острове! – часовню. Наша задача – не допустить этого акта вандализма!*

– *Пусть только попробуют! Сожжем! Разрушим! Взорвем!* – завопили бесы.

– *Жгли, взрывали и рушили, а что толку?* – прорычал Кактус. – *Все опять по новой возрождается, да еще хуже становится: на месте одной разрушенной церкви людешки две*

новые строят. Нет, наша задача – не разрушать построенное, а истребить гнусные замыслы в самом зародыше. Сегодня эти дикари построят часовню, а за нею, того гляди, и храм начнут возводить! Вы что, не знаете нашу крестовскую публику? Как пойдет это зловерное поветрие, как начнут они жертвовать на храм и друг перед другом выставляться – такую храмину отгрохают, что только держись! Нет, нет и нет! Сейчас главное узнать, кто это задумал? Найти, вычислить этих наглых храмостроителей, обезвредить, а если надо, то и уничтожить. Следите, смотрите и слушайте!

– Будем! Будем следить, смотреть и слушать, начальник! – завопили бесы.

– А вот я расстарался и уже подслушал кое-что по данному вопросу! – раздалось возле Кактуса вкрадчивое шипение, и перед ним появился Михрютка.

– Ты кто такой? – удивился бес. – Откуда взялся?

– Безработный домовый Михрютка! – представился тот, расшаркиваясь ворсистыми лапами.

– С чем явился, домовый?

– С доноском к вашей темноте.

– Докладывай!

Выслушав Михрютку, Кактус решил, что к теме собрания доклад об ожидаемом прибытии на остров провинциальной девчонки-молитвенницы со своим Хранителем прямого отношения не имеет, но домового похвалил за усердие и принял в крестовскую группировку. Тем бесовское собрание и закончилось.

Бесы снова полетели гулять на крышу особняка Гуляровских, а с ними и довольный донельзя Михрютка: его взяли на службу бесы, обитавшие в доме Мишиных. Определили его в домовые, и Кактус посоветовал Жану, главному домашнему бесу Мишиных, поселить его в отопительном отсеке подвала – по традиции.

– Будешь зваться Михрюткой Запечным, – сказал домовому Жан, важный черный бес, похожий на ящера, с акульными зубами, гребенчатым хребтом и неподвижными желтыми глазами. – А первое задание тебе будет такое: вместе с нами повлиять на Мишина, чтобы он не брал в дом эту псковскую девчонку-богомолку. Не ко двору она нам.

– Понял, начальник, – сказал обрадованный Михрютка. – Будем стараться, будем влиять.

– Ну, а теперь полетели к Гуляровским – догуливать. Праздник продолжается!

Жан и представить себе не мог, что и сам Мишин, и его Ангел Хранитель Димитриус уже час как держат путь на Псков – за Аней Мишиной. Слава Богу, совсем не так догадливы и проницательны бесы, как их порой рисует пугливая людская молва, иначе никакого веселья на крыше Гуляровских в эту ночь уже больше не было бы... Но бесы пока ничего не знали, ни о чем не догадывались, ничего не предвидели и потому продолжали веселиться.

Глава 2

В телеграмме из Петербурга было сказано: «БУДУ ЗВОНИТЬ ПЯТОГО В ДЕСЯТЬ УТРА НА ГЛАВПОЧТАМТ ТЧК МИШИН».

Бабушка с Аней жили на окраине Пскова в скромном деревянном домике с большой старой березой у калитки и крохотным садиком позади дома. Отсюда до главного почтамта в центре города надо было ехать много остановок на автобусе, а до автобусной остановки еще идти пешком минут пятнадцать, но они встали рано, вышли из дома заранее и на главпочтамт явились к девяти часам.

– А чего это вы так рано? Написано же – в десять. И что это людям дома не сидится? – проворчала с рождения чем-то недовольная девушка в окошке с надписью «Международные и междугородные переговоры», когда они показали ей телеграмму. – Ждите. Когда Санкт-Петербург появится на проводе, я вас вызову.

Они прошли в угол зала и сели на скамейку. Аня взяла бабушку под руку и прижалась к ней. Когда они сидели так, рядышком, любому было ясно, что это бабушка с внучкой. У бабушки волосы были белые, а у внучки светло-русые, но обе они носили косы, только бабушкина коса была скручена в тугий узел на затылке, а у внучки свободно падала на спину и спускалась ниже пояса. Обе были круглолицые, румяные, а больше всего похожи у них были глаза – широко расставленные, серо-голубые, ясные.

Влетевшие за ними Ангелы Анастасий и Иоанн встали по сторонам скамьи, один со стороны бабушки Насти, другой со стороны Аннушки.

Целая стая мелких бесов с озабоченным видом шмыгала по главпочтамту: одни просматривали свежие газеты и журналы, другие читали, не вскрывая конвертов, чужие письма, третьи с деловым видом ныряли в посылки и шарили в них. Увидев двух могучих и сияющих Хранителей, бесы метнулись прочь, даже не попытавшись затеять свару. Только бесовка с пастью от уха до уха, крутившаяся рядом с девушкой, так неприветливо встретившей бабушку с внучкой, осталась на месте. Но и она спряталась за спину подопечной и притихла.

– День сегодня жаркий будет, – сказал Ангел Анастасий, – как бы Настеньке пораньше домой вернуться: ей нельзя долго находиться на солнце.

– Будем надеяться, что Мишин позвонит вовремя.

– Неожиданный какой человек! Ты все-таки думаешь, что он позвонит сюда с дороги по своему хитрому телефону?

– Димитриус обещал ему подсказать, мы ведь держим с ним связь по зеркалу. Но даже родной Ангел Хранитель не знает, что Мите придет в его буйную голову в следующую минуту. Несколько часов назад, когда Димитриус меня вызывал, Митя почему-то разгуливал по цветочной оранжерее в городе Нарве.

– Может, цветы покупал?

– Это в шесть часов утра?

– Да, непредсказуемый человек. Ну что ж, будем ждать. А ты попробуй пока внушить Аннушке, что отец может сам за ней приехать.

– *Сей момент внушу. Конечно, если Митя не позвонит в десять, как обещал, нам лучше будет сразу же вернуться домой.*

Долгое время бабушка с внучкой молчали, потом Аня заговорила:

– Бабушка, знаешь, мне почему-то кажется, что папа захочет сам за мной приехать.

– Может быть, детка, очень может быть. Это было бы с его стороны вполне благоразумно.

– А папа благоразумный человек, бабушка?

– Благоразумный. Только не всегда и не очень.

– Мне так хочется его увидеть, узнать, какой он...

– Ты же много раз видела его фотографии в альбоме.

– Он на всех фотографиях или смеется, или улыбается. Он, наверное, очень веселый и добрый, да, бабушка?

– Зла в нем не было, а вот серьезности порой не хватало. Но с тех пор как появились эти фотографии, прошло почти десять лет. За это время многое могло измениться.

– Я думаю, папа не очень изменился.

– Дал бы Бог...

Они снова замолчали. Стрелки часов почти не двигались и еле-еле доползли до половины десятого.

– Бабушка, а почему папа с мамой развелись?

– По глупости.

– А по чьей глупости – маминой или папиной?

– По обоюдной. Но давай-ка мы с тобой не будем обсуждать их поступки, это все же твои родители.

– Это грех?

– Без сомнения.

– А я думала, что имею право знать, почему мой папа и моя сестра живут отдельно от меня...

Бабушка вздохнула и ничего ей не ответила.

Аня встала и немного походила по залу, подошла к стенду, на котором были выставлены поздравительные открытки, и стала их разглядывать. Открытки были блеклые и скучные: всё цветы да бантики. Одна только открытка Ане понравилась: на ней был нарисован Ангел и написано «С днем Ангела!». Аня приподнялась на цыпочки и погладила белые крылья нарисованного Ангела.

Ангел Иоанн в ответ погладил ее по голове.

Аня улыбнулась и пошла дальше вдоль стены, читая скучные объявления. Потом она внимательно осмотрела все пять кабинок для телефонных переговоров, хотя разглядывать там особенно было нечего: в них вообще ничего не было, кроме телефонных аппаратов и небольших полочек на стене.

Ангел Иоанн на всякий случай ходил за ней по пятам – присматривал.

Аня обошла зал, прочла все объявления на стенах, вернулась на скамейку и уютно пристроилась к теплему бабушкиному боку.

Наконец часы показали ровно десять. Аня отодвинулась от бабушки, выпрямилась и даже немножко побледнела.

Пять минут одиннадцатого, десять, половина, а их все еще не вызывают.

– Бабушка! Может, мы дежурной что-нибудь неправильно сказали? Ты покажи еще раз папину телеграмму. Или, хочешь, я сама подойду и спрошу?

– Не стоит досаждать дежурной лишними вопросами, Аннушка. Видишь, какой у нее сумрачный вид? Может, у девушки горе какое...

Горе девушки-дежурной стояло за ее спиной, вцепившись когтями в ее позвоночник и злобно косясь на Ангелов Хранителей.

– Я думаю, – продолжала бабушка, – что все в порядке, просто телефонная линия перегружена.

– Мы еще подождем, а потом все-таки спросим. Ладно, бабушка?

– Хорошо, Аннушка.

Через десять минут бабушка сама подошла к девушке в окошке и спросила, нет ли каких-нибудь технических причин для задержки разговора с Санкт-Петербургом.

– Никаких причин нет и быть не может, – отрезала та. – Связь у нас автоматическая: там наберут номер – мы здесь услышим звонок. А раз звонка нет – значит, никто вас не вызывает. Может, передумали звонить. Есть у вас номер вашего абонента?

– К сожалению, нет.

– Ну, тогда ждите и не отрывайте меня от работы. Вас много, а я одна.

Аннушка удивленно оглянулась по сторонам: в зале никого, кроме них с бабушкой, не было.

И они ждали до одиннадцати часов, потом до половины двенадцатого. А без четверти двенадцать дежурная предупредила их, что в двенадцать главпочтамт закрывается на обед.

Ровно в двенадцать часов бабушка Настя и Аня встали со скамьи, вежливо попрощались с дежурной, которая ничего не ответила, даже не взглянула на них, и отправились домой.

В сопровождении своих Хранителей, разумеется. Ангел Анастасий все время парил над бабушкой, широко распахнув крыла, – прикрывал ее от вредной солнечной радиации. Ангел Иоанн шел рядом с Аннушкой и утешал ее:

– Все будет хорошо, дитячко! Папа тебя не забыл, папа любит тебя и спешит к тебе.

Аня слышала Ангельский голос в своем сердце и утешалась.

Когда через час бабушка с внучкой свернули на свою улицу, они увидели, что перед их домом в тени березы стоит большая зеленая машина, а в ней кто-то спит, положив руки и голову на руль.

У калитки стоял Ангел Димитриус, и вид у него был слегка помятый, но довольный.

– Вот и мы, брат Иван! Мы за Аннушкой и за тобой! Благослови!

– Благослови, брат Димитриус! Не ждали мы вас так скоро, не ждали! Знакомься – это Ангел нашей бабушки, Хранитель Анастасий. Ты ведь его забыл, поди?

– Брат Анастасий, благослови! Как же я мог тебя забыть? Я так горевал, когда наша семья распалась, и по тебе скучал сильно – ты у нас в семье как-никак был старшим Хранителем.

– Да, много лет я на земле провел, шесть десятков с лишним. Теперь вот в обратную дорогу собираюсь с Настенькой.

– Знаю, слышал. Что ж вы так рано? Пожили бы еще тут...

– Воля Божья!

Ангелы взлетели в крону старой березы, стоявшей перед домом, и там устроились среди ветвей, как в зеленой беседке, чтобы сверху наблюдать за встречей отца и дочери.

– Интересно, кто это? – спросила Аня, поглядывая на незнакомую машину и ее водителя.

– Не знаю. Какой-то гость: на нашей улице таких машин нет, – ответила бабушка.

Услышав их голоса, человек за рулем поднял голову, поглядел на бабушку с Аней, потом открыл окно машины, высунул в него помятое со сна лицо и сиплым голосом окликнул:

– Анастасия Николаевна?

– Да, это я, – ответила бабушка. Она остановилась и полезла в сумку за очками.

Человек выбрался из машины и остановился возле нее, опираясь на открытую дверцу и внимательно разглядывая Аню.

– Девочка, ты меня не узнаешь? – спросил он.

– Папа? – прошептала Аня и почему-то крепче ухватила за бабушкину руку.

– Здравствуйте, Дмитрий Сергеевич, – растерянно сказала бабушка, надевшая наконец очки. – Как это вы вдруг тут оказались? Вы же дали телеграмму, что будете звонить...

– Здравствуйте, Анастасия Николаевна, здравствуй и ты, дочка. Ну да, я дал телеграмму, а потом подумал: зачем звонить, когда можно просто самому съездить в Псков за Аней? Подумал и сделал. И не зовите вы меня Дмитрием Сергеевичем – для вас я был, есть и всегда буду просто Митя.

– Как скажете, Митя. Вы что же, вчера выехали из Санкт-Петербурга?

– Точнее, сегодня. Где-то в два часа ночи я отчалил от своего Крестовского острова и уже к половине десятого добрался сюда: хотел перехватить вас у дома, чтобы вы зря не ходили на главпочтамт. Приехал, а вы уже ушли. Ну, я и решил вас тут дожидаться, чтобы нам опять не разойтись.

– Устали за дорогу?

– Смертельно! Ехал без карты и сворачивал почему-то все время не туда. Даже в Эстонию заехал ненароком, в Нарву! Приходилось ночью стучаться в дома и спрашивать дорогу, а потом возвращаться.

– В таком случае надо вас поскорей накормить с дороги и спать уложить.

– Накормить – это хорошо, это правильно. Я голодный как волк. Но только потом. А насчет поспать – вот это уж совсем не получится: у меня завтра с утра важная встреча, которую никак нельзя отменить. Как только Аннушка соберется, так мы сразу и поедем.

– Вы хотите меня прямо вот так забрать с собой? – дрожащим голосом спросила вдруг оробевшая Аня.

– А чего тянуть? Ехать так ехать... Между прочим, Юлька еще не знает, что я за тобой поехал. Вот сюрприз для нее будет!

– И я поеду до самого Санкт-Петербурга с вами на машине?

– Ну да.

– Бабушка, можно?

– А ты готова ехать прямо сегодня?

– Не знаю... Но мне кажется, что если ехать, то лучше сразу, каникулы ведь уже начались.

А ты как считаешь, бабушка?

– Экие вы оба торопыги, настоящие Мишины.

– Конечно, мы с дочкой – Мишины. Или Нина поменяла Ане фамилию?

– Не говорите глупостей, Митя, она и сама фамилию не меняла. Аннушка, веди отца в дом – его кормить с дороги надо.

– Не торопитесь, Анастасия Николаевна, я же сказал: это после. Сейчас нам с Аней надо съездить на кладбище. Отвезешь меня к маме, дочка? Покажешь дорогу?

– Бабушка, можно?

– Конечно, можно и нужно. Езжайте с Богом, а я пока обедом займусь.

Бабушка ушла в дом, а дочь с отцом остались стоять перед калиткой, исподлобья поглядывая друг на друга.

– Ну что, так и будем стоять, в гляделки играть? Давай садись в машину!

Мишин распахнул перед Аней дверцу, и она чинно уселась на переднее сиденье. Он сел на водительское место и вопросительно посмотрел на нее.

– Командуй, дочка. Куда ехать?

– Сначала прямо, до первого большого перекрестка. Только, знаете, нехорошо без цветов...

– Я тоже так подумал. Цветы сзади лежат.

Аня поглядела назад. Спинки задних сидений были опущены, и там, занимая сиденья и багажник, лежал какой-то огромный пакет, похожий на свернутую палатку, а цветов никаких не было. Она вздохнула огорченно, но спросить постеснялась.

Ангелы Иоанн и Димитриус полетели вслед за отъехавшим от дома «мерседесом».

Аня в машине заметно растерялась, она не знала, о чем ей говорить с отцом, и поэтому только подсказывала ему дорогу.

Они доехали до набережной реки Великой, и Аня указала рукой на белокаменный монастырь:

– Нам туда, к монастырю, а там уже недалеко.

– Мирожский монастырь, – кивнул Мишин. – Я помню. Открыли его наконец?

– Давно открыли.

Они переехали по мосту через Великую и примерно через двадцать минут остановились у ворот кладбища.

– Нам надо выйти из машины, – сказала Аннушка.

– Зачем? – удивился Мишин.

– Ворота закрыты. Мы можем только в калитку войти. Тут очень сердитый сторож, он никого на машине в ворота не пускает. И на велосипеде нельзя, и даже просто вести его рядом сторож не разрешает. Говорит – не положено. Я свой велосипед всегда оставляю на улице и иду к маме пешком. Он вон в той будочке сидит и за всеми следит в окошко.

– Какой-то чудной у вас сторож. По-моему, ему надо объяснить, что он не прав. Сиди тут и жди.

– Митя! Митя, может, не надо? – закричал, тревожно вися над Мишиным, Ангел Димитриус.

– Да не волнуйся ты, брат, – успокаивал его Ангел Иоанн. – Этот сторож опасен только для робких и безответных, он ведь душой слабый, умом глупый и даже не совсем живой.

– Это как понять – «не совсем живой»? – От удивления Димитриус остановился в воздухе, затормозив крыльями.

– А вот выйдет – увидишь. Его бесы заживо дожирают, уже совсем почти ничего не осталось. Не бойся, не тронет он твоего Митю, как бы Митя сам его не тронул.

– Да вот этого-то я больше всего и боюсь... Митенька, прошу тебя, не надо, не связывайся ты с ним!

Но Мишин, не внемля своему Ангелу Хранителю, вышел из машины и направился в сторожку. Ровно через две минуты оттуда выбежал сторож и рысцой бросился к воротам.

Ангел Димитриус с ужасом увидел то, о чем говорил Ангел Иоанн: несчастного сторожа захватило и глодало заживо целое полчище мелких бесов. Некоторые, размером не больше

крысят, угнездились в самом его сердце и уже прогрызли его во многих местах, а в мозгу копошился целый клубок не то мелких змей, не то крупных зубастых червей. И все они отравляли его кровь, мысли и душу. Ни один врач не нашел бы в нем никакой болезни, кроме разве застарелого алкоголизма, но духовно бедняга заживо разлагался. Он по инерции продолжал двигаться, видел смутно, мыслил туманно, но еще не совсем утратил навыки речи. Прав был Ангел Иоанн – это уже не был вполне живой человек...

Несчастный сторож не любил жизнь, поскольку сам был уже наполовину мертв, потому и устроился работать на кладбище. Слабую жизнь он старался уничтожить или хотя бы придавить, а вот перед сильной – дрожал, пасовал, но и люто ненавидел. Сам ничтожный и гниющий, он, например, невзлюбил мощный трехсотлетний дуб, росший в самом центре кладбища. Спилить его он не посмел – начальства боялся. И тогда он удумал лить под корни дуба разную ядовитую гадость: бензин, хлорку, кислоту, мазут, ацетон – и делал это до тех пор, пока дуб-патриарх не засох на корню. А цветы на могилах он просто вытапывал. Такой вот служил на этом кладбище сторож...

Но в Мишине было нечто такое, что заставило сторожа испугаться, а бесов – затаиться. Пожалуй, правильно будет назвать это доброй жизненной силой.

Да, сторож явно спасовал. Когда Мишин снова уселся за руль, ворота перед ним уже были широко и гостеприимно распахнуты.

– Езжайте прямо к могилке, там широкая дорожка. А лопаточку и леечку я вам прямо на место доставлю! – приговаривал сторож, суетливо запирая за ними ворота.

Отец с дочерью двинулись в глубину тенистого старого кладбища.

– Здесь, – сказала Аня, когда они проехали мимо сухого дуба. Мишин остановился, и они вместе вышли из машины и подошли к оградке, где были могилы Аниных мамы и дедушки. Аня открыла калитку, отогнув гвоздик, служивший запором, и пропустила отца вперед. Оба креста были большие, дубовые, с кровельками и с иконками вместо фотографий: такие кресты знающие люди называют «голубцами». Мишин сразу подошел к маминой могиле, сплошь поросшей белыми маргаритками, обнял рукой крест, прислонил к нему голову и вдруг громко заплакал, приговаривая:

– Ах, Нинка моя, Нинка... Что ж это ты такое сотворила? Как же это ты так – насовсем, а?

Вот этого Аня никак не ожидала! Она постояла-постояла, а потом подошла к отцу, подлезла под его руку, прислонилась к нему и тоже заплакала, громче отца.

– Папочка! Мой папочка! – твердила она, глотая слезы. – Не плачь, пожалуйста!

Она плакала, уткнувшись в папину рубашку, от которой не слишком хорошо пахло. Отец подхватил ее на руки и стал целовать, в свою очередь уговаривая не плакать, и она тоже целовала его в колючие щеки и гладила по голове, как маленького.

– Вот теперь я вижу, что ты мой настоящий папа, – сказала она, когда они оба наплакались и отец опустил ее на землю.

Ангелы стояли на крыше большого старинного купеческого мавзолея, никем не замечаемые и очень взволнованные.

– Вот ради таких минут на земле и стоило покидать Рай, – заметил Иоанн, вытирая слезы рукавом стихаря.

– Истину глаголешь, брат, сущую истину: взирать, как отец и дочь обретают друг друга после долгой разлуки – сие есть счастье... А вот погоди, что еще-то будет! Сейчас ты увидишь, какие Митя привез цветы на могилку своей покойной, давно разведенной жены. И ты, брат, поймешь, какое это золотое сердце!

– А где они, в машине? – Иоанн сосредоточился, чтобы увидеть, что за цветы находятся внутри машины, но Димитриус его остановил:

– *Погоди, раньше времени взглядом не проникай! Вот Митя цветы достанет, развернет – тогда и увидишь их во всей красе. Хороший он у меня, умный, добрый. Дурной только.*
– *Да нет, он вполне ничего себе, – успокоил его Иоанн, – мне нравится.*

– Вот я вам лопатку принес... и воду... две лейки. Не хватит – еще принесу, – раздался сиплый голос кладбищенского сторожа, сопровождаемый звяканьем лопаты о лейку.

– Спасибо, приятель. Можешь пока быть свободен.

Сторож еще постоял, глядя на Мишина с какой-то смутной и кривой улыбкой. Он трусил и старался выказать радушие и приветливость, которые даже и не шли ему. Аня, взглянув на сторожа, немного испугалась. Когда сторож удалился своей странной, какой-то блуждающей походкой, она спросила:

– Ой, папочка, что же ты такое с ним сделал? Ты, наверно, дал ему денег, и он поэтому стал такой?

– Не давал я ему никаких денег. Я просто объяснил ему в двух словах, что не надо лишний раз огорчать посетителей кладбища – они и так огорчены по самое некуда. Ну, а он меня правильно понял, вот и все. Не понимаю, почему раньше никто не догадался просто поговорить с ним? Ладно, пошли за цветами для мамы.

Мишин подошел к «мерседесу», открыл багажник и осторожно вытащил огромный пакет, про который Аня подумала, что это свернутая палатка. Он развернул матовую пленку и извлек из нее огромный пластиковый горшок с каким-то растением, обернутым плотной бумагой и обмотанным бечевкой. Мишин внес горшок в ограду, поставил его между могилками, достал из кармана перочинный нож и освободил растение от веревок и бумаги. Это оказался большой куст сирени, весь усыпанный тяжелыми белыми гроздьями.

– Ой, папочка, какая красота! Белая сирень, любимые мамины цветы!

– А то я не помню!

– *Лепота, одно слово, лепота! И когда ж он успел, Димитриус? Ты говорил, он пьяный в два часа ночи выехал, а в девять он уже возле Аниного дома стоял.*

– *Он у меня все успевает, когда хочет. Бабушка ваша правильно сказала – торопыга. К сожалению, скор он как на доброе, так и на дурное. Сторожка вон как напугал...*

– *Уж за это с него точно не спросится! Этот сторож тут на горе людском наживает да еще своей грубостью страждущие сердца ранит. Душа у него холодная, аки камень надгробный: живой мертвец на кладбище работает! Аннушке моей из-за него сколько раз плакать доводилось. Он даже бабушку Настю, бессовестный человек, как-то до слез огорчил. А ты ведь знаешь, что нет на земле ничего горше, чем слезы стариков...*

– *Вестимо!*

– Решай, дочка, куда посадим мамину сирень – на могилку или в углу ограды? – спросил Мишин.

– А ты как думаешь, папа?

– Я бы посадил вон там, на свободном месте. И вот что я тебе скажу, дочка: место это пусть для меня останется. Когда я умру, ты распорядись сирень эту выкопать, а меня – закопать. Хочу рядом с Ниночкой лежать.

– Папа! – Голос Ани звучал одновременно жалобно и сердито. – Ты не смей так говорить! Я тебя первый день вижу, а ты уже помирать собираешься! Ты думаешь, это хорошо с твоей стороны – так говорить? Мама ведь тебя слышит! Ты ей лучше пообещай прямо здесь и сейчас, что не умрешь, пока нас с Юлей не вырастишь, и нас, и наших детей. Ты разве не хочешь своих внуков увидеть?

Мишин во все глаза глядел на дочь:

– Анна! Да ты в кого такая мудрая?

– В бабушку. Знаешь, какая она умная? К ней со всей нашей улицы люди советоваться ходят.

– Я знаю, Аня, какой мудрый и добрый человек Анастасия Николаевна, и очень ее уважаю, дочка. Если бы мы с мамой в свое время ее послушались, мы бы не расстались так по-глупому.

– Вот и жаль, что не послушались! Кстати, папочка, это место уже занято, его давно себе бабушка присмотрела. Ты ведь не станешь со своей уважаемой тещей спорить из-за места на кладбище?

– Нет, не стану! Ладно, раз уж помирать мне разрешат еще не скоро, так нечего об этом разговоры разговаривать. Скажи лучше, куда мы этот куст сажать будем? Если это место бабушка для себя выбрала, то, может, сирень надо в другом углу посадить?

– Нет, все-таки посадим тут, на бабушкином месте.

– А бабушка что скажет?

– А бабушка увидит, что место занято, и тоже перестанет о смерти думать. У нее в последнее время мысли завелись какие-то нехорошие... Я замечаю, как она молится, когда дьякон в церкви читает прошение о «кончине христианской, мирной и безболезненной».

– Анна, а ты что, тоже богомолка, как бабушка и как мама была?

– А тебе это не нравится?

– Да нет, почему «не нравится»?.. Если в меру, то это для девочки очень даже неплохо. Лично я в религии особого вреда не вижу. Но думаю, наша Юлька тебя живо из церкви в дискотеку переманит.

– *Слышишь, слышишь? Ох, кажется, началось, – встревожился Иоанн.*

– *Да нет, это он так... Смотри, Аннушка на эти слова только усмехнулась. Юльке с сестрой не справиться, Аннушка твоя духом посильней будет.*

– *Ты думаешь?*

– *Уверен!*

– Папа, а если наоборот, если это я уведу Юлю из дискотеки в церковь, ты возражать не будешь?

– Не буду, не буду, – улыбнулся Мишин, – ходите куда хотите, только дружите и любите друг дружку.

– *Ну, что я тебе говорил? – спросил довольный Дмитриус. – Ох, я от твоей Аннушки просто без ума!*

– *Ты так радуешься, брат, будто это твоя девочка.*

– *Да как же ты не понимаешь, брат Иван, что это я как раз за нашу девочку и радуюсь, – ответил Дмитриус. – Такая чудесная сестричка к ней едет!*

– Ладно, работать так работать, – сказал Мишин и, взяв лопату, принялся выкапывать яму для посадки сирени.

– А мне что делать, папа? – спросила Аня.

– Пока ничего. Вот сажать станем, ты будешь сирень держать, чтобы она ровно стояла.

– Тогда я пока цветы прополю, ладно?

– Хорошо, дочка.

Аня присела над маминым могильным холмиком и начала вытаскивать пробивающиеся между маргаритками сорняки, что-то шепотом при этом приговаривая. Молилась, наверно.

Через час с лишним отец и дочь Мишины вернулись к бабушке. Она уже начала беспокоиться и поджидала их на крыльце.

– Бабушка, ты завтра обязательно съезди к маме – увидишь, какие папочка ей цветы подарил!

– Какие же?

– Папа, ни слова, пожалуйста! Это, бабушка, наш большой-большой секрет! Вот такой высоты, вот такой ширины!

– Так. Я смотрю, вы уже подружились, – довольно и только самую чуточку ревниво говорила бабушка.

– Конечно, подружились! – сказала Аня.

– А как же! – подтвердил Мишин.

– Ну и слава Богу, – сказала бабушка Настя.

– *Слава Богу!* – повторили Ангелы, наблюдая за ними с верхних ветвей старой березы.

– Мне бы умыться не мешало с дороги, – сказал Мишин, показывая бабушке запачканные землей и плохо отмытые в лейке руки.

– Аннушка, веди отца в дом и покажи ему, где умыться. Прошу, гость дорогой!

– *Идем и мы,* – сказал Иоанн.

– *Как – прямо в дом?* – удивился Димитриус.

– *А чего ж нам на березах качаться, если наши подопечные в дом пошли?* – удивился в свою очередь Иоанн. – *Прошу пожаловать, гость дорогой.*

Войдя в дом, Ангелы увидели Хранителя Анастасия, стоящего у стены рядом с большим киотом, полным икон, и встали рядом с ним.

Пока Мишин умывался, бабушка собрала на стол скромный обед: грибной рассольник без мяса и без сметаны, гречневую кашу с постным маслом и на третье – блинчики с вареньем. К ним она предложила чай.

За чаем бабушка сказала, задумчиво глядя на бывшего зятя:

– А вы мало изменились, но очень постарели, Митя.

– Жизнь крутая, Анастасия Николаевна. Я ведь бизнесмен.

– Папа, а что значит «бизнесмен»? – спросила Аня, глаз не сводившая с отца. – Я не очень хорошо понимаю, чем занимаются бизнесмены.

– Что такое «купец», знаешь?

– Конечно. «Жил-был купец, и было у него три дочери».

– Точно. Сказка про аленький цветочек. Вот бизнесмен это и есть купец. А сказка у нас теперь будет такая: «Живет-бывает купец и бывают у него две дочери, Анна и Юлия».

– Папочка, а ты смешной!

– Аннушка! – тихо, но строго сказала бабушка.

– Я хотела сказать – веселый. Папа, а ты меня сразу узнал потому, что я очень похожа на Юлю?

И тут Дмитрию Мишину удалось сказать те самые слова, которые были Ане дороже всех других его ласковых слов:

– Нет, дочка, совсем не потому, хотя у вас с Юлькой, можно сказать, одно лицо на двоих. Но характером вы совсем разные. Я как глянул на тебя, так и ахнул – маленькая Нина! У тебя все движения мамины, взгляд мамин, походка мамина. Да это понятно, ты ведь рядом с ней жила все эти десять лет.

Аннушка подошла к отцу и положила свою голову ему на плечо, как жеребенок. Мишин погладил ее по волосам и поцеловал в макушку.

– А Юлька в меня пошла и характером, и повадкой. Вот она обрадуется, когда я ей привезу сестричку!

– Папа, а почему ты ее зовешь Юлькой, а не Юлей или Юленькой? Меня никто Анькой никогда не зовет, даже хулиган Виктор из шестого «А».

– Тебя Анькой назвать ни у кого просто язык не повернется. А Юлька – она Юлька и есть, ее по-другому не назовешь. А вот тебя мне хочется называть не Аней или Анной, а как бабушка Настя – Аннушкой. Можно?

– Можно.

Потом она тихо спросила:

– Папа, а ты разрешишь мне иногда звонить бабушке по телефону?

– Да звони хоть каждый день!

– Каждый день не получится: бабушке тяжело ездить на главпочтамт.

– На главпочтамт? Ах да... Какой же я рассеянный! Анастасия Николаевна, вы мобильником умеете пользоваться?

– Нет, конечно.

– Жаль, а то бы я вам свой оставил. А где у вас тут телефонная станция, вы не знаете?

– Понятия не имею. А что это вы задумали, Митя?

– Да надо бы вам телефончик поставить, чтобы вы с Аннушкой друг по дружке не очень скучали.

– Ну, это длинная история, мне не дожидаться, пока очередь подойдет.

– Почему это не дожидаться, бабушка? – с подозрением спросила Аня.

– Да потому, что пока подойдет очередь, не только каникулы кончатся, но и вы с сестрой школу окончите.

– А, ты вот о чем... Папа, а у тебя случайно нет с собой Юлиной фотографии?

– Конечно, есть. Хочешь взглянуть?

– Очень хочу.

Мишин полез в карман своего бордового пиджака, висевшего на спинке стула, и достал толстый бумажник, а из него – пластиковый футляр с фотографией. Он протянул его Ане:

– Вот, полюбуйся на свою копию. Это и есть наша с тобой Юлька.

Аня взяла пластиковый прямоугольник и стала пристально разглядывать лицо девочки на фотографии.

– Папа, но она же совсем на меня не похожа! У нее волосы рыжие, брови и ресницы черные, а у меня все это – светлое. Вот, разве ты не видишь? – И она подняла к нему свое лицо.

Мишин засмеялся и поцеловал ее в нос.

– У Юльки точно такие же, как у тебя, и брови, и ресницы, и волосы, только все это у нее перекрашено черт знает в какой цвет.

– Еще бы ему не знать, когда он сам ей подсказывает! – сказал Димитриус.

– Ты о ком? – удивился Иоанн.

– Да о черте, которого помянул Митя, – о бесенке по имени Прыгун. Это он Юльку учит краситься. Он и Жанна.

Услышав из уст зятя слово «черт», бабушка Настя чуть нахмурилась и вздохнула. Тот ничего не заметил и продолжал:

– Юлька все время что-нибудь со своим лицом вытворяет. Это она Жанне подражает. Кстати, переверни-ка Юлькину фотографию.

Аня перевернула пластиковый футляр: с другой его стороны была фотография очень красивой черноволосой и зеленоглазой женщины.

– Кто это, папа?

– А эта красавица – Жанна. Если вы с Юлькой согласитесь, она станет вашей новой мамой.

– Мачехой? – спросила Аня, сдвинув брови. – Папа, я не...

– Аннушка! – предостерегающе сказала бабушка, и девочка послушно замолчала.

– Ну, не будем забегать вперед, – сказал Мишин, собираясь спрятать футляр с фотографиями обратно в бумажник.

– Митя! Я бы тоже хотела взглянуть на вашу избранницу, а уж на Юлю – тем более.

– Ох, простите, Анастасия Николаевна, я не подумал!

– Не успели подумать, – улыбнулась бабушка и стала разглядывать фотографии.

– Да, в самом деле, одно лицо с Аннушкой, хоть и выкрашены волосы. Взгляд только совсем другой: сразу видно, Митя, что балуете вы ее беспощадно.

– А как же!

– Ну, а это, значит, и есть Жанна? Да, эффектная женщина.

Аня, конечно, заметила, что слово «эффектная» в устах бабушки прозвучало совсем не одобрительно. Она поежилась, а потом подумала: «Ладно, с папой рядом я никого бояться не буду...»

– И правильно, – одобрил ее мысли Ангел Димитриус, – папа дочку в обиду не даст!

– Не знаю, как там папа, но уж я точно буду на страже: мне эта Жанна совсем не нравится, – сказал Ангел Иоанн. – Брат Димитриус, а не пора ли нам собираться? Иначе и к утру до Петербурга не доберемся.

– Да, пора, – согласился Димитриус. – Хотя, честно говоря, не хочется улетать отсюда. Как же хорошо, легко и спокойно в вашем доме, братие!

– Спасибо на добром слове, – улыбнулся Анастасий. – Дом и вправду светлый, теплый, промоленный, жить бы в нем да жить. Но к Рождеству мы с Настенькой его покинем.

– Ты рад, брат Анастасий, что у вас уже так скоро Переход? – спросил Димитриус.

– Как вам сказать, братие? Конечно, к Переходу моя Анастасия готова. Жизнь она прожила в Боге и как Бог велел. И болезнь свою последнюю она приняла как посланную Богом, боли и смерти не страшится, кается в грехах и молится о кончине мирной, христианской, безболезненной по возможности. Ну, а мне, братцы мои, конечно же, хочется поскорей увидеть, как моя Настенька – легкая, молодая, красивая – побегит по райской дорожке навстречу своему Володечке, как обнимет Ниночку, доченьку свою ненаглядную, встретит молодых своих родителей. Сами знаете, какая радость, когда вся семья пребывает в Раю неразлучно. Но и Аннушку оставлять здесь одну боязно. Повременить бы нам с Настенькой, пожить бы еще лет семь, чтобы внучку вырастить, да ведь не наша воля... Вся на тебя надежда, Иван! Крепко верим мы с Настенькой, что ты Аннушку без нас сбережешь в чистоте и вере и в обиду не дашь никому.

– На то мы и Хранители, – степенно ответил Ангел Иоанн. – За Аннушку будь спокоен, брат Анастасий. Так что, братие, поторопим отца с дочерью?

– А как ты их поторопишь? – полюбопытствовал Димитриус.

– Да очень просто. Вот так!

Ангел Иоанн подошел к Ане, наклонился к ней и негромко сказал:

– Аннушка, детка, а не пора ли тебе собирать вещи в дорогу?

Аня вдруг задумалась, оставив чашку с недопитым чаем.

– О чем задумалась, дочка? – спросил Мишин.

– Я думаю, папа, что мне пора идти собирать вещи в дорогу.

– Это ты правильно решила. Нам с тобой еще на телефонную станцию заехать надо. Хотя предполагаю, что это займет не так много времени, как думает бабушка.

Мишин вдруг озорно подмигнул Ане, и Аня ответила ему улыбкой: она уже поняла, что папа придет на телефонную станцию и объяснит там кому надо, что бабушке Насте срочно необходим телефон. А все эти важные люди, от которых зависит установка телефонов, сразу же папу поймут правильно и все сделают как надо.

– Иди, собирайся, дочка. Возьми самое необходимое, а остальное купим в Петербурге. Документы, главное, не забудь, свидетельство о рождении возьми – вдруг понадобится для визы.

– Для какой такой визы, Митя, могут вдруг понадобиться Аннушкины документы? – спросила бабушка, когда Аня ушла в свою комнатку.

– Для заграничной, разумеется: европейской или там американской. Мало ли куда наши девочки захотят прокатиться на каникулах.

– Митя! Об этом у нас с вами разговора не было, чтобы Аннушке по заграницам ездить! – заволновалась бабушка.

– Да разве нам с вами надо каждую мелочь обговаривать, Анастасия Николаевна? – удивился Мишин. – Вы что, не доверяете мне?

– Ох, Митя... – только и сказала бабушка.

– За границу – не пуцу, – решительно сказал Ангел Иоанн. – И не вздумай нас туда звать, брат Димитриус!

– А кто туда рвется-то? – спросил Димитриус. – Это Юлька с Жанной любят путешествовать по разным странам, а мне там одна маета. Не везде даже церкви православные есть: бывает, что залетному Ангелу и передохнуть негде. Это наша Жанна без заграничных поездок жить не может.

– Ох уж эта ваша Жанна!

– Пока дочка собирается, – сказал Мишин, – я схожу к машине за своей мыльницей.

– Зачем вам мыльница, Митя? – удивилась бабушка.

– Да это я про фотоаппарат. Он у меня обычно где-то в машине на всякий случай валяется. Эх, жаль я не вспомнил про него, когда мы с дочкой у Ниночки были!

Фотоаппарат в машине нашелся, и Мишин сделал несколько снимков бабушки, а потом бабушки и внучки, а потом попросил бабушку снять их с дочерью.

– Я вам его оставляю, – сказал он, протягивая бабушке фотоаппарат, – а вы, когда пойдете к Нине, сделайте для меня несколько снимков и, если можно, пришлите мне по почте.

– Ох, да я боюсь сломать такую дорогую вещь, Митя.

– Ерунда! Я вам его дарю, так что ломайте на здоровье.

– Ну, я попробую, – сказала бабушка, разглядывая маленький пластиковый фотоаппарат. – Когда-то я даже увлекалась фотографией, но теперь наверняка все позабыла. Получится ли у меня?..

– Получится, получится, Анастасия Николаевна, тут всего одна кнопка! Это же фотоаппарат для чайников!

– Спасибо, Митенька, – усмехнулась бабушка.

Аня тихонько фыркнула: ну до чего же ей нравился ее папа!

Глава 3

Пока Дмитрий Мишин в Пскове заново знакомился со своей дочерью Аннушкой, в его особняке на Крестовском острове в Санкт-Петербурге творились странные вещи, и он бы очень удивился, если бы вдруг узнал о них.

В черно-зелено-оранжевом будуаре, благоухающем индийскими куреньями и французскими духами, перед компьютером сидела в черном сафьяновом кресле красавица-ведьма Жанна. На экране монитора плавали изображения орков, взятые из кинофильма «Властелин колец». Жанна покрыла ногти черным лаком и теперь выводила на них тонкой кисточкой сложные золотые иероглифы, сверяясь с таблицей в лежащей рядом книге.

– Жан, ты где? – негромко позвала она.

Орки на экране сгнули, и вместо них появилась черная морда в складках и бородавках. Низким скрипучим голосом бес-ящер произнес:

– Я здесь, Жанна.

– Ты узнал, что с Мишиным?

– *Пока нет.*

– Неужели он и вправду поехал в Псков?

– *Не знаю, Жанна.*

– Что ты вообще знаешь, урод? Вчера ты не мог найти мою бриллиантовую сережку, сегодня не можешь разыскать моего Мишина. Смотри, как бы я не завязала отношения с каким-нибудь другим духом!

– *Не советую, дорогая, – пожалеешь.*

– Обычно ты находишь его по первому моему слову, почему же сегодня никак не можешь вычислить?

– *Сам не пойму, Жанна. Я пытался, но какие-то помехи не дают мне его нащупать. Такое впечатление, ты просто не поверишь, будто наш Митя прикрыт Ангельскими крыльями.*

– Скажешь тоже! Мишинский Ангел Хранитель близко к нему не подходит, я за этим слежу.

– *За Митей уследишь, как же! А за Ангелом тем более...*

– Я вот знаешь о чем подумала, Жан? А жив ли Митенька-то наш? Выехал он от Гуляровских совсем пьяный, мог и в аварию попасть, – задумчиво проговорила Жанна, разглядывая разрисованные ногти. – Лежит, бедняжка, в каком-нибудь провинциальном морге, раздетый и без бумажника...

– Отчего же раздетый, если он разбился в автокатастрофе, и почему без бумажника?

– Да потому, что его уже раздели и обобрали, дурачок, – ответила Жанна, начав обрабатывать вторую руку.

– Кто его раздел и обобрал, Жанна?

– Либо те, кто с ним ехал в одной машине, он ведь любит попутчиков подбирать, – Жанна нанесла значок на широкий черный ноготь большого пальца, похожий на заостренную лопатку, – либо тот, с кем он столкнулся, – она нарисовала иероглиф на длинном черном когте указательного, – или те, кто мимо проезжал... или милиция... или служители морга... Нет, мизинец не получился, придется стереть и начертить заново. И как нарочно, самый важный знак – знак власти в семье! Тьфу, черт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.